

ИЗ ИСТОРИИ ГИМНАЗИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТОМСКЕ

Статья посвящена ранней истории гимназического образования в дореволюционном Томске. В ней рассматриваются вопросы создания материальной базы, необходимой для организации учебного процесса (строительство здания гимназии, комплектование библиотеки, создания учебных кабинетов, оснащение их приборами), комплектования педагогического коллектива, социального состава учащихся, материальной помощи нуждающимся гимназистам, судьбы выпускников гимназии, ее роли в культурной жизни Томска.

Вопрос об открытии в Томске гимназии поднимался вскоре после превращения города в губернский центр. В 1806 г. директор училищ Томской губернии обратился к попечителю Казанского учебного округа с соответствующим ходатайством. Однако открытие гимназии им сочтено было преждевременным. Причины этого усматривались в отсутствии просторного дома, постройкой которого должно было заняться местное общество. В 1811 г. директор училищ предложил городской думе взять на себя расходы по строительству дома для гимназии, но «за неимением средств» дума отказалась выполнить это предложение. Еще через пять лет поднимался вопрос об открытии гимназии, но вновь из-за отсутствия помещения для нее и недостатка средств он остался открытым. Между тем за годы, прошедшие после превращения Томска в 1804 г. в губернский центр, выросла потребность в образованных людях. Удовлетворить ее не могли ни уездные, ни тем более начальные приходские училища.

В 1828 г. вышел царский указ, предусматривавший открытие в каждой из сибирских губерний по одной гимназии. В двух губерниях - Иркутской и Тобольской - гимназии уже существовали. В Иркутске 1806 г. в гимназию было преобразовано главное народное училище, в 1811 г. открылась гимназия в Тобольске. Гимназическое образование в Томске прошло нелегкий путь становления и развития.

Министерство народного просвещения необходимость открытия гимназий в Сибири на основании указа Николая I мотивировало потребностью в образовании людей не только для службы в учреждениях, но и для работы в школах. Оно видело выход в обеспечении школ учителями из жителей Сибири, людьми, привыкшими «к тамошнему климату и не ожидающими с нетерпением окончания положенного срока, чтобы оставить столь отдаленный край и возвратиться в Европейскую Россию» [1. С. 18]. Со времени издания высочайшего указа прошло немало лет, а решение проблемы открытия гимназии не сдвигалось с места. В 1834 г. Николай I, ознакомившись с содержанием рапорта томского губернатора Н.А. Шленева, особое внимание обратил на недостаток учителей в Томской губернии.

В 1838 г. томский губернатор обратился с просьбой к генерал-губернатору Западной Сибири князю П.Д. Горчакову связаться с Министерством народного просвещения для решения вопроса о наборе учителей для гимназии. Однако публикации приглашения по распоряжению министра на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» оказались безуспешными. После этого министр народного просвещения предложил попечителю Казанского учебного округа определить для томской гимназии преподавателей российской грамматики, географии, математики из выпускников университета или

даже из чиновников, состоявших «на учебной службе» и зарекомендовавших себя «с хорошей стороны» [2]. Назначенный директором И.Г. Новотроицкий, выпускник Санкт-Петербургского педагогического института, уже имел опыт работы в Иркутской гимназии в качестве старшего учителя. В Томске он жил с 1820 г., будучи переведенным сюда на должность директора училищ Томской и Енисейской губерний. Он принял первых учителей гимназии. Ими стали П.А. Соболев (законоучитель уездного училища), Т.В. Лукин, сначала назначенный на преподавание латинского языка, но вскоре переведенный на должность учителя истории и статистики, что он преподавал до приезда в Томск в тобольской гимназии. Выпускник Санкт-Петербургского педагогического института Я.С. Сергеев был определен учителем русского языка и географии. Очень недолго работал в гимназии В.А. Вешняков, удостоенный Академией художеств звания «рисовального учителя в гимназиях». В мае 1838 г. он был принят в штат гимназии, а в 1840 г. его сменил учитель черчения и рисования П. Мону-ментов, перешедший в гимназию из уездного училища. Учителем математики и немецкого языка был временно назначен учитель уездного училища. Вскоре преподавать немецкий язык стал смотритель этого училища Ф.В. Вячеславов.

На выделенные для гимназии средства началась подготовка нескольких учащихся в тобольской гимназии для работы в Томске. Комплектование штата учителей гимназии растянулась на многие годы. В 1840 г. появился первый учитель латинского языка И.И. Голдинский с университетским образованием. До прибытия в Томск он работал преподавателем Мозырского уездного училища для дворян. Тогда же был переведен из тобольской гимназии окончивший Казанский университет учитель законоведения и судопроизводства А.А. Романов.

Комплектование штата учителей гимназии шло значительно медленнее, чем это требовалось для организации учебного процесса. Мало кого могли прельстить привилегии, которые были обещаны учителям сибирских гимназий (полная пенсия при двадцатилетнем стаже работы, прибавка к жалованию через каждое пятилетие). Заметно пополнился штат учителей гимназии в 1841 г., когда в Томск приехали выпускники Санкт-Петербургского университета А.В. Латышев (учитель судопроизводства), И.К. Виноградов (учитель русского языка), Ф.М. Тоннар (учитель французского языка). К 1859 г. из них остались в гимназии только Я.С. Сергеев и И.К. Виноградов [3, 4].

Непростым делом оказался подбор служителей при гимназии, от которых в немалой степени зависело обеспечение должного порядка и чистоты. Сложность решения этой проблемы была связана с обязанностью нанимаемых служителей на небольшое жалование не

только питаться, но и приобретать форменное обмундирование за свой счет. В сторожа гимназии старались нанимать отставных солдат, но им выгоднее было работать на золотых приисках. К середине 40-х гг. директору удалось добиться удвоения жалования служащим для укомплектования положенного штата их в количестве шести человек.

К открытию гимназии не был решен вопрос о ее местоположении. В самых высоких инстанциях многократно решался вопрос о необходимости строительства специально предназначенного для гимназии здания. Весной 1838 г. генерал-губернатор Западной Сибири распорядился о составлении Томской строительной комиссией проекта, сметы и пояснительной записки к постройке здания. Министр народного просвещения С.С. Уваров обещал ходатайствовать в Государственном Совете о положительном решении вопроса. Но из-за недостатка средств, необходимых на постройку здания, она откладывалась на неопределенный срок.

Было решено открывать гимназию в каком-нибудь арендованном доме, на что город в 1837 г. получил 4 тысячи рублей, предназначенных и на заказ мебели для гимназии. После долгих поисков и переговоров с домовладельцами Томска остановились на аренде дома купчихи Е. Хлебниковой. В его подвале, еще ранее сданном хозяйкой дома в аренду, открылась винная лавка, не исчезнувшая и с открытием гимназии. В лавку с грохотом вкатывали бочки, ходили многочисленные посетители, встречаемые и провожаемые собаками, которые часто не давали гимназистам войти в дом или выйти из него. Размещение гимназии в доме Е. Хлебниковой предполагалось временным. Занятия начались 11 декабря 1838 г. Первые два класса гимназии были скомплектованы путем перевода в нее 25 учеников из II и III классов уездного училища.

В дополнение к отмеченным неудобствам в доме Е. Хлебниковой оказались неисправными печи и не вычищены трубы. Гимназисты задыхались от дыма, когда затапливали печи. Занимались учащиеся двух классов за одним обеденным столом. А с открытием новых классов оказалось, что для их размещения не хватает комнат в арендованном доме. Из-за скученности на каждого воспитанника воздуха приходилось в несколько раз меньше, чем предусматривалось санитарными нормами, рассчитанными гигиенистами Швейцарии. В гимназии не было возможности для проветривания комнат даже после установки вытяжных вентиляторов, так как воздух поступал из сырого подвала в старом доме, построенном на низменном и болотистом месте. Совершенно негде было хранить книги и тетради из-за отсутствия необходимых для этого шкафов. Не случайно вскоре после открытия гимназии был составлен план постройки для нее собственного дома. Но из-за отсутствия средств к постройке его не приступали, хотя от идеи решения этого вопроса не отказывались.

В 1841 г. землемеру Шабанову было поручено избрать место под здание. Он указал его в юрточной части города. Как оказалось, оно было намечено еще в 1839 г. В 1842 г., когда вновь вернулись к этому вопросу, учитывалось, что здание следовало рассчитывать на обучение в гимназии 200 учащихся и содержание 40 из них в пансионе. Однако в очередной раз

дело ограничилось лишь обсуждением важнейшего для дальнейшей судьбы гимназии вопроса. Между тем решать все проблемы функционирования гимназии приходилось, исходя из реальной ситуации. Поэтому в том же 1842 г. нашли выход в дополнительной аренде для гимназии по соседству с ней верхнего этажа дома купеческого сына Н. Верещагина.

Сменивший к тому времени И.Г. Новотроицкого новый директор гимназии И.А. Сухопутский занялся приобретением отдельных столов для занятий, шкафов, табуреток. Он считал совершенно неотложным делом создание и оборудование физического кабинета. Без него не мыслилось преподавание физики в уже открывшемся VI классе. Требовалось также приобретение приборов для занятий по тригонометрии и аппарата для получения кислорода и водорода. Составленный И.А. Сухопутским перечень всего необходимого для физического кабинета был рассмотрен в Министерстве народного просвещения. В сокращенном варианте его признали необходимым и для всех вновь открываемых в России гимназий.

В последующие годы вновь и вновь возникал вопрос о строительстве здания гимназии. В 1843 г. Министерство народного просвещения рассмотрело еще раз план его возведения. И вновь дело ограничилось лишь разговорами из-за денег, которые не выделялись. По ходатайству нового директора П.В. Клейменова удалось перевести гимназию в здание, построенное для уездного училища, которое разместили в доме Хлебниковой. Довольно долго большинство классов находилось в училищном здании (с 1844 г.) и с середины 50-х гг. в доме надворной советницы Ф.М. Гуляевой.

Одновременно предпринимались попытки решения вопроса о компактном размещении гимназии в здании приказа общественного призрения. Но все же более целесообразным считалось строительство нового здания для гимназии, для чего требовалось изыскание необходимых средств. К 1858 г. в распоряжении гимназии оказалось более 17 тысяч рублей, накопившихся за счет остатков денег вследствие недокомплектования штата преподавателей, а также частично - за счет недокомплектования пансионеров. Но в следующем году эти деньги по распоряжению министра народного просвещения были переданы государственному казначейству на погашение внутреннего государственного долга.

Впоследствии в течение многих лет вопрос о строительстве здания не поднимался. А после окончания войны 1877-1878 гг. вообще запрещено было ходатайствовать о каких-либо ассигнованиях. Вся надежда возлагалась на организацию частной подписки, высочайше разрешенной 28 декабря 1879 г. Но к 1884 г. она дала всего около 620 рублей при потребности суммы в 90 000 рублей [5].

По мере возрастания числа учащихся уже не хватало места для их размещения в здании уездного училища и доме Гуляевой. Поэтому вновь пришлось прибегать к найму помещений. В разные годы классы гимназии находились в домах Серебренникова, Фомина, Кобылина, Некрасова, Шумилова. Оставалась нерешенной проблема освещенности в классных комнатах, соблюдения элементарных санитарно-гигиенических условий в помещениях гимназии, что отрица-

тельно сказывалось на состоянии здоровья учащихся и педагогов. В 1880 г. было установлено ухудшение зрения у 100 из 246 учеников, отмечены многочисленные обращения многих из них к врачу на большой перемене с жалобами на головную боль, головокружение, тошноту.

На протяжении нескольких десятилетий в доме Ф.М. Гуляевой размещались старшие классы, пансион, физический кабинет, канцелярия директора. После продажи хозяйкой своего дома все они были перемещены по Высочайшему соизволению от 29 декабря 1886 г. в комнаты среднего этажа главного корпуса университета. Младшие классы, наиболее многочисленные, библиотека и кабинет естественных наук оставались в доме уездного училища - на расстоянии в три версты от университетского корпуса. Нетрудно представить, какие неудобства испытывали и учителя, и учащиеся гимназии, работая в таких условиях.

Одновременно в том же 1886 г. была составлена новая смета с учетом средств, необходимых для постройки собственных зданий гимназии. Более 100 тысяч рублей требовалось для решения этой проблемы. Рассчитывать на получение всей необходимой суммы не приходилось. Прошло еще несколько лет, пока, наконец, летом 1892 г. министр народного просвещения разрешил с весны 1893 г. приступить к постройке здания для гимназии, используя 50 тысяч рублей, находившихся в Томском губернском казначействе. Остальные деньги с позволения министра предполагалось отнести на счет строительного капитала, предусмотренного министерством для средних учебных заведений России.

Весной 1893 г. Томская городская дума отвела место под строительство возле городского сада стоимостью в 2 604 рубля. Строительство гимназии совпало с прокладкой в Сибири железной дороги, что сопровождалось ростом цен на строительные материалы и работы. Сверх ранее запланированных 100 000 рублей потребовалось дополнительно около 20 000 рублей на сооружение здания гимназии, а с расходами на постройку каменных служб, деревянного забора, прокладку каменного тротуара общая смета составила около 127 000 рублей [5]. Таким образом, на шесть с лишним десятилетий в Томске опоздали со строительством специального здания для гимназии, которое завершено было в 1899 г. рядом с городским садом. И сразу же стало очевидно, что помещений в нем не хватит для нормального функционирования гимназии.

С немалыми трудностями сопряжено было выполнение учебной программы не только из-за столь долгой нерешенности проблемы строительства здания гимназии. Гимназистам первого выпуска не удалось обеспечить преподавание физики с применением приборов, которые стали поступать в Томск после окончания ими обучения. Бывший учитель Санкт-Петербургской гимназии, в 1844 г. ставший директором гимназии в Томске, столкнулся с тем, что «для успешного хода учебно-воспитательного дела многого не хватает». П.В. Клейменова прежде всего озадачило то, что «и количественно, и качественно» библиотека не отвечала задачам обучения и воспитания учащихся. Длительное время она формировалась совершенно бессистемно, в основном за счет частных пожертвований.

Подаренные бывшим инспектором гимназии И.П. Княжицким 14 книг на французском языке, 94 тома, поступившие в дар от коллежского асессора В. Беляева, около 80 томов - от дочери коллежского советника Боннар тоже на французском языке не могли быть востребованы в учебном процессе.

В бюджете гимназии на пополнение библиотечного фонда предусматривались мизерные суммы. В 1850 г., например, они составили 214 руб. 28 коп. или 3,5 % от общей штатной суммы гимназии, отпускавшейся тогда на ее содержание. В 2,5 раза больше, чем отпускалось на приобретение книг и учебных пособий, тратилось на аренду помещений для гимназии [6. С. 9-11, 14, 29; 7. С. 35, 37]. Фундаментальная библиотека при гимназии к началу 50-х гг. располагала 1250 томами книг. В 1862 г. к ней была присоединена городская библиотека, появившаяся в Томске до открытия гимназии. Но в 1866 г. главный инспектор училищ распорядился о закрытии для горожан библиотеки при гимназии с возвращением книг городу.

В конце 60-х гг. заметно пополнился фонд фундаментальной библиотеки за счет пожертвования В.И. Асташевым библиотеки отца, приобретенной им у томского губернатора П.Д. Озерского.

Редкий, поистине счастливый случай выпал для гимназии в 1887 г., когда были приобретены ценные учебные пособия для учеников старших классов по русскому языку, истории, древним языкам. Всего книг было тогда куплено на 900 с лишним рублей. На заведение приличной мебели было потрачено около 930 рублей, за 360 рублей - куплен токарный станок. Тогда же были приобретены пособия по рисованию, которое преподавалось, хотя в учебной программе оно было разрешено с 1890 г. Для эстетического развития учеников в гимназии появилась физгармония (за 408 рублей.). Немалые усилия к развитию вкуса учеников к классической музыке и к «благородному препровождению времени, свободного от занятий» прилагал учитель французского языка Р.К. Сирен, его дело затем продолжил бывший ученик гимназии, ставший ее учителем, В.П. Никонов. Он организовал из гимназистов оркестр и немало своего времени «безмездно» отдавал занятию с ними музыкой [1. С. 19; 7. С. 36; 8. С. 312; 9].

Покрытие части затрат на строительство здания гимназии субсидиями со стороны Министерства народного просвещения затем долгие годы сказывалось на том, что оно постоянно, ссылаясь на долги, отказывало в выделении каких-либо средств. Гимназия остро нуждалась в них для создания нормальных условий в организации учебного процесса, в проведении общегимназического характера мероприятий.

Долго не было возможности для создания ученической библиотеки. Начало ей было положено в 1864 г. пожертвованными И.Д. Асташевым деньгами. Для богатейшей старинными изданиями, поступившими в течение многих лет от частных жертвователей, фундаментальной библиотеки в последние десятилетия XIX - начале XX в. почти не выписывались новые книги [6. С. 10-11; 10].

Может быть, тем удивительнее, как в непростых условиях функционирования гимназии осуществлялось обучение учащихся. С первых лет открытия гимназии педсовет признавал необходимым обратить внимание

на развитие мышления и самостоятельности учеников. От них требовали умения передавать содержание прочитанного материала своими словами, не придерживаясь при ответах «буквы руководства».

Большое значение придавалось практическим занятиям по устному и письменному переводу, упражнениям в правописании и сочинениях на русском, немецком и французском языках. Кстати, преподавание французского языка началось раньше, чем оно было предусмотрено учебной программой. Началось оно по инициативе уже упоминавшегося инспектора И.П. Княжицкого, человека обширных познаний. Он прибыл в Томск из Виленского университета. Узнав о желании части учеников заняться изучением французского языка, взялся за это дело «безмездно».

С конца 40-х гг. XIX в. произошли заметные изменения в соотношении часов, отводимых на изучение разных предметов. По уставу 1828 г. один учитель вел уроки по русскому языку и географии. В 1849 г. было признано необходимым увеличить число уроков по географии за счет сокращения времени, отводимого до этого на изучение законовещения. В гимназии появилась сверхштатная должность преподавателя географии. Изучение латинского языка оставили обязательным только для тех, кто готовился к поступлению в университет. В итоге вместо двух учителей латинского языка и законовещения с судопроизводством оставили по одному преподавателю.

С начала 50-х гг. стало больше внимания уделяться привитию учащимся IV класса навыков чистописания, каллиграфии, V класса - переписке деловых бумаг, VI—VII классов - составлению и переписке деловых бумаг, что считалось необходимым для будущих чиновников.

Когда в начале XX в. обнаружилось, что многие ученики гимназии и реального училища изъявляли желание освоить стенографию, учитывая практическую значимость этого предмета, его ввели в гимназии, а также в остальных учебных заведениях Томска [11].

Учитывая, что, «происходя из бедной и необразованной части», воспитанники почти не читали книг, для «приучения их к правильному, точному, ясному изложению мысли путем ознакомления с литературой, особенно русской», в гимназии стали практиковаться литературные беседы.

В 60-е гг. произошли некоторые изменения в учебных программах. В 1861 г. по настоянию генерал-губернатора Западной Сибири и попечителя гимназии Гасфорта было введено преподавание естествознания. Открывшую кафедру естественных наук возглавил выпускник гимназии 1853 г. В то время должность учителя естествознания в штате гимназии еще не предусматривалась. Жалование ему выплачивалось за счет денег, которые взимались с учеников за учебу [12]. Тогда же началось чтение воскресных лекций по физике.

По уставу от 30 июля 1871 г. при гимназии открылся подготовительный класс и было введено преподавание греческого языка, что придало гимназии характер классической. Педсовет беспокоила слабая подготовленность для учебы в гимназии поступавших в I класс, особенно по русскому языку и арифметике. В октябре 1875 г., проанализировав итоги очередного приема учащихся в первый класс, педсовет поместил

а «Томских губернских ведомостях» объявление с предупреждением родителям, что с плохой подготовкой их дети впредь приниматься в гимназию не будут. Педсовет просил родителей и воспитателей при подготовке детей к поступлению в гимназию строго руководствоваться программами учебных планов, предусмотренных Министерством народного просвещения для усвоения в подготовительном классе. Родителям настоятельно рекомендовалось избегать обращения при подготовке детей к поступлению в гимназию к людям «мало к тому способным и ненадежным» [13].

В числе первых учащихся гимназии в I и II классах были двое детей канцелярских служащих и 23 офицерских детей. В последующие годы в гимназии учились дети разных сословий (табл. 1).

Таблица 1

Сословие	1850	1852	1887	1889
Дворян	43	72	134	141
Чиновников	25			
Купцов	10	4	103	91
Мещан	12	9		
Ремесленников				
Канцелярских служащих	3	1		
Крестьян	6		10	9
Казачья		6		
Духовных лиц			9	8
Прочих			3	6
Итого	96	92	259	255

Приведенные материалы свидетельствуют о росте с годами общего числа учащихся, а также о расширении их сословной принадлежности. При сохранении преобладания среди воспитанников гимназии детей чиновников с годами наблюдаются существенные перемены в сословной принадлежности гимназистов. К 1850 г. отмечено наличие среди них выходцев из купеческих, мещанских, крестьянских семей. В том же году в гимназию было принято еще четыре воспитанника Асташевского приюта. Позднее среди учащихся гимназии оказались дети казаков, духовных лиц. В 80-е гг. в гимназии училось несколько детей «прочих».

В абсолютном большинстве учащихся были томичи, по три ученика из Барнаула и Ачинска, по одному из Кольвани, Кузнецка, Бийска, Енисейска, Усть-Каменогорска, Троицкого и Сузунского заводов. В 1889 г. из 255 гимназистов 207 жили с родителями или родственниками, 28 содержались в пансионе, 18 жили на частных квартирах [6. С. 9-11; 7. С. 35, 37]. По данным, приведенным в табл. 2, можно составить представление о характере изменений в численности учащихся за многие десятилетия со времени открытия гимназии.

Таблица 2

Годы	1838	1848	1858	1868	
Число учащихся	25	94	124	192	
Годы	1878	1888	1908	1910	1912
Число учащихся	207	255	519	539	650

За семь десятилетий, с 1838 по 1908 г., число учащихся выросло в 20 с лишним, а к 1912 г. - в 26 раз [1. С. 19; 7. С.36; 8. С. 312]. Большую возможность для

исследования общей тенденции в изменении численности учащихся дают материалы, характеризующие ее не по десятилетиям, а в промежутке между ними. Например, в 1853 г. в связи с заметным сокращением общего числа учащихся губернатор обратился к томским чиновникам с предложением активнее определять своих детей для учебы в гимназии. Этого требовала потребность присутственных мест в образованных людях.

Одновременно был облегчен прием в гимназию детей купцов второй и третьей гильдий, а также детей мещан. Это произошло задолго до утверждения устава 1864 г., когда детям купцов второй и третьей гильдий и мещан было позволено поступать в гимназию без предъявления увольнительного свидетельства от общества, к которому они принадлежали. Сибирские гимназии таким разрешением пользовались уже в 1853 г. В этом заключалась одна из главных причин заметного увеличения числа учащихся со 101 в 1853 до 117 в 1854, 128 в 1855 и 139 в 1856 гг. [6. С. 10-11]. На основании Высочайше утвержденного 19 января 1864 г. устава гимназий и прогимназий в томскую гимназию стали приниматься дети всех сословий без различия сословной принадлежности и вероисповедания (табл. 3). А на свободные в пансионе «казеннокоштные» места принимались преимущественно дети чиновников.

Т а б л и ц а 3

Годы	Православных	Католиков	Протестантов	Иудеев
1887	212	18	8	21
1889	206	17	8	22

Общий прием в гимназию производился перед началом учебного года в августе месяце. Но подсчет мог принимать учащихся и в течение всего учебного года при наличии уважительной причины или не успевших записаться на прием в гимназию в положенный срок. Обязательным условием являлось прохождение предварительного испытания для выяснения уровня общего развития испытуемого и знаний, необходимых для усвоения программы того класса, в который родители желали записать своего сына.

В первый класс принимались с десятилетнего возраста. Для поступления в него требовалось умение читать и писать по-русски, наличие некоторых навыков в письме под диктовку, в передаче своими словами прочитанного, знание главных 16-ти молитв, сложения, вычитания, таблицы умножения. К началу 70-х гг. считалось желательным при поступлении в первый класс умение читать и писать на церковно-славянском, латинском, французском, немецком языках [14. С. 156-157].

Организация учебного процесса предусматривала не только проведение занятий по обязательным предметам. В гимназии уделялось серьезное внимание тому, чтобы учащиеся умели правильно ходить, избавлялись от «провинциализма» в речи, умели правильно ставить ударения, общаться друг с другом, соблюдать дисциплину и установленные в гимназии порядки и нормы поведения в классе и пансионе.

Обязательным условием для перевода в следующий класс являлось получение по каждому предмету в среднем не менее трех баллов. Учащиеся, имевшие способности, но не отличавшиеся прилежанием, при наличии трех баллов переводились в следующий

класс с предупреждением о переводе «в низший класс в случае малоуспешности».

Важная роль в воспитании гимназистов, организации контроля за их успехами отводилась надзирателю. В его обязанности входил контроль за учебой и поведением гимназистов, живших в городе. Надзиратель приходил в гимназию за час до начала занятий, по разработанной в 1852 г. особой инструкции в обязанность надзирателя входило появление в гимназии за полчаса до начала занятий. Он должен был «удерживать воспитанников от крика, громкого смеха, непристойных разговоров, ссор и других неприличных поступков». Кроме того, в обязанность надзирателя входило посещение воспитанников в местах их проживания с родителями или на частной квартире. Надзиратель также должен был вести учет уроков, пропущенных учениками и, что также случалось, учителями. В случае отсутствия учителя проведение урока входило в обязанности надзирателя.

Директор гимназии В.П. Клейменов считал более целесообразным поручать выполнение функции надзирателя учителям гимназии с двойной оплатой их труда. Такое совмещение, на его взгляд, могло быть более оправданным, так как кто лучше учителя мог знать, за чем надо наблюдать. Но это предложение директора гимназии осталось без внимания, а без оплаты за надзирательскую должность исполнять ее среди учителей охотников, естественно, не находилось. Одним из первых надзирателей был назначен учитель немецкого языка И.Ф. Боссе, выпускник Дерптского университета, оказавшийся в Томской гимназии осенью 1839 г. Но через два года он отказался от этой должности «за слабостью здоровья». С осени 1841 г. функции надзирателя были возложены на студента Вологодской семинарии Ф.В. Ростиславлева, с 1856 г. - на А.П. Антонова, выпускника Вятской гимназии со званием домашнего учителя. В течение 1868-1870 гг. должность надзирателя исполнял врач гимназии К.И. Ливанов [3; 15].

В 1855 г. в гимназии появилась еще и классная инспекция из лучших учеников. Их называли старшими, у которых были еще и помощники, так же из числа лучших учеников. Они являлись в класс раньше других гимназистов и должны были вести наблюдение за порядком и тишиной, немедленно доносить гимназическому начальству о каждом случае любого нарушения илислушания. За недонесение полагалось не только смещение старшего и его помощника с должности, но и занесение на «черную доску». А за «усердные труды» старшие и их помощники записывались на «красную доску» и пользовались особым уважением преподавателей и начальства гимназии. При встрече на улице гимназисты должны были перед старшими и их помощниками снимать фуражку. Не только воспитанники, но и служащие гимназии должны были обращаться с ними на «Вы» [6. С. 12; 14].

В отношении хорошо успевавших гимназистов использовалось поощрение за успехи в учебе и примерное поведение большими и малыми похвальными листами. На торжественном акте 31 августа 1839 г. перед началом второго в гимназии учебного года двух учеников наградили большими похвальными листами, четверых - малыми, 31 августа 1840 г. десять награжденных, кроме похвальных листов, получили еще книги.

За успехи в учебе в октябре 1841 г. по приказу томского губернатора генерал-майора Татаринова была объявлена «признательность» одиннадцати гимназистам, а «прочим велено быть более старательными и внимательными к своему делу». В ноябре этого же года благодарностей были удостоены тринадцать учеников. А 16-ти «малоуспешным», поименно перечисленным ученикам объявлено вышеприведенное повеление. В конце учебного года в июне 1842 г. благодарность получили 23 ученика, десятерым было сделано замечание, а 28-ми - «предложено усилить внимание к занятиям учебными предметами курса».

Плохо успевавших гимназистов оставляли на второй год. В 1841 г. из тринадцати учеников III класса перевели в следующий класс всего семь человек, из одиннадцати учеников IV класса - шесть гимназистов. В 1847 г. в следующие классы из восьмидесяти учащихся двадцать человек перевели с предупреждением о возможности перевода их в «низший класс» в случае «малоуспешности». В 1848 г. при ежегодном до этого времени заметном увеличении числа учащихся произошло резкое сокращение его с 125 до 105 в результате исключения «в один прием» двадцать гимназистов «за лень и дурное влияние на товарищей». В 1845 г. до окончания курса обучения выбыло из гимназии до восьмидесяти учащихся «по малоуспешности», а шестерых исключили «за самовольные поступки», при этом один из них был отдан «для примера» в военную службу из VII класса. Десять гимназистов были исключены в 1887 г. «за безуспешность» [6. С. 11; 7. С. 35].

Попытка руководства гимназии привлечь внимание родителей к более результативному воздействию на своих детей не находила должного отклика с их стороны. С 1860 г. на торжественных актах дважды объявлялось предложение родителям принимать участие в работе педагогического совета. Ставилась при этом важная задача достижения единого подхода к воспитанию детей в гимназии и в домашних условиях. Однако это предложение не нашло отклика со стороны родителей. Искренне заинтересованный в лучших результатах воспитания учащихся старший учитель Ф.В. Рудаков предлагал завести специальные тетради для каждого ученика, в которых можно было бы сообщать родителям ежедневно об успехах в учебе и о поведении их детей в гимназии. От родителей требовалось бы ежедневно знакомиться с записями в этих тетрадях. Перед началом занятий наставники или надзиратели могли бы узнавать, просматривая тетради, о реакции родителей на замечания в адрес их детей. До установления ежедневного контроля за учебной и поведением учащихся с привлечением к этому и родителей дело не дошло. Но учащиеся обязаны были подавать на подпись родителей свидетельства по итогам за каждые два месяца. В них проставлялись оценки, указывалось количество пропущенных уроков с целью принятия со стороны родителей «побудительных или исправительных мер» по отношению к нерадивым ученикам, которых оказывалось постоянно немало [14. С. 153].

Стремление к укреплению связей с родителями было продиктовано озабоченностью слабой успеваемостью многих учащихся. С годами она не претерпе-

ла заметного улучшения. До 1859 г. ежегодно выпускалось из гимназии 7-8 учеников. За время с 1859 по 1871 г. по сравнению с предшествующим двадцатилетием общее число учащихся выросло более чем в два раза, а оканчивало полный курс ежегодно приблизительно 11 учащихся [16].

Одним из методов воздействия на нерадивых учеников была порка. Учившийся в 1853-1858 гг. с первого по пятый классы В.Н. Виноградский позднее вспоминал, что и в Иркутске (там он учился в гимназии в 1850-1851, а затем в 1859-1862 гг.) были в ходу порки, но только в младших классах и не ежедневно, а раз в месяц, когда директор обходил классы «с отметками». Хождение «с отметками» занимало целый день, и то в том, то в другом классе слышны были крики [17. С. 66].

Вызывает изумление состав учеников по возрасту. Применительно к середине XIX в. отмечено точное воспроизведение картины жизни томской гимназии, как «сборища разновозрастных подростков и юношей разных состояний и вида ... среди этих разного возраста и вида сюртуков виднеются там и сям коротенькие, иногда даже очень коротенькие, куртки казеннокоштных. Из общей массы вдруг вырастает высокая, как каланча, фигура какого-нибудь уже почтенного с бородой мужа в гимназической форме, пребывающего в одном и том же классе лет восемь [17. С. 78].

На протяжении первых десяти лет после открытия гимназии в Томске обучение в ней было бесплатным. При отсутствии достаточных средств, которые нужны были для оказания действенной помощи бедным ученикам, среди учителей гимназии даже возникало обсуждение вопроса о введении трехрублевой платы с тех учащихся, родители которых были в состоянии внести ее. С 1849/50 учебного года и в сибирских гимназиях была установлена 5-рублевая плата за обучение. Дети материально необеспеченных родителей не дотягивали до прохождения полного курса обучения. С введением платы за обучение от малообеспеченных родителей поступили многочисленные заявления о невозможности вносить ее. Немногим удавалось получить право бесплатного обучения, остальных отчисляли из гимназии. От платы освобождались только «заслуживающие того по своему поведению и прилежанию ученики совершенно недостаточных родителей». Освобождению подлежали не более 10 % учащихся [6. С. 158].

В первые годы после открытия гимназии помощь бедным ученикам ограничивалась лишь только предоставлением время от времени книг. Некоторые «своекоштные» ученики были настолько бедны, что не имели обуви, одежды, из-за занятости домашними делами были вынуждены пропускать уроки. Несмотря на хорошие способности, они оказывались в числе отстающих и становились кандидатами на отчисление еще и по «малоуспешности» в занятиях в дополнение к тому, что их родители не имели средств для внесения платы за обучение.

Ситуация к лучшему несколько изменилась для бедных учеников с появлением первых стипендий. С Высочайшего соизволения от 31 декабря 1861 г. в гимназии была учреждена первая частная стипендия бывшего генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорта. Она предназначалась для одного из лучших воспитанников, прошедших до поступления в гимназию

курс Семипалатинского уездного училища. Создавалась стипендия за счет процентов пожертвованного семипалатинским городским обществом капитала размером в 3 000 рублей. Появление стипендий для нуждающихся гимназистов было тем более значимым, что в 1857 г. произошло повышение платы за обучение вдвое, а с 1888/89 учебного года она взималась уже в размере 40 рублей. 12 рублей платили родители за обучение детей в приготовительном классе, 190 рублей - за содержание в пансионе при гимназии. С 1871 г. годовое содержание в пансионе вздорожало со 175 на 15 рублей. Кроме того, при помещении ученика в пансионе одновременно взималось еще 20 рублей «на первоначальное обзаведение».

В 60-е гг. XIX в. за часть бедных учеников вносилась плата из денег, пожертвованных первым попечителем гимназии камергером Двора Его императорского величества И.Д. Асташевым - в сумме 3 741 рублей. Его сын полковник В.И. Асташев пожертвовал 510 рублей также на оплату обучения бедных гимназистов. В конце 60-х - начале 70-х гг. сделали такого рода пожертвования и некоторые купцы Томска. В их числе были Е.И. Королев, Я.И. Петров, И.А. Еренев [16; 18].

Помощь воспитанникам оказывалась и томским «Обществом вспомоществования учащимся». Одно из наиболее ранних по сравнению с такими обществами в гимназиях Европейской России в Томске оно возникло по инициативе учителей гимназии. Ее поддержал главный инспектор училищ Западной Сибири И.О. Смольян. Председателем общества стал почетный гражданин Томска д.с.с. М.А. Гиляров. В составе общества с начала его функционирования в течение многих лет был преподаватель гимназии (и ее выпускник) И.Е. Хантинский. С октября 1872 по ноябрь 1888 г. общество израсходовало на нужды гимназистов более 2 000 рублей, из них внесло плату за обучение бедных воспитанников 1 330 рублей. Остальные деньги были выделены на питание, приобретение им одежды и оплату за проживание на частной квартире.

С открытием в 1871 г. при гимназии приготовительного и параллельного классов потребовались дополнительные расходы на наем помещений для них. В течение 1872-1888 гг. на эти нужды, а также наем прислуги и «на другие потребности гимназии» Томская городская дума отпустила около 14 000 рублей. Это составляло мизерную сумму в сравнении с потребностями гимназии в деньгах.

Существенным подспорьем для материально нуждавшихся учеников явились стипендии, учрежденные в 70-80-х гг. Летом 1873 г. во время краткосрочного пребывания в Томске Великого князя Алексея Александровича по пути его следования в Америку через Сибирь к нему обратился с просьбой о принятии сына в гимназический пансион бывший коллежский секретарь Померанцев. Его просьба была удовлетворена. Великий князь согласился поместить в I класс гимназии Федора Померанцева с содержанием его в пансионе за счет собственных средств. К сожалению для родителей, мальчик, страдавший пороком сердца, ушел из жизни 19 августа 1878 г. Пока он был жив, на его содержание из Санкт-Петербурга ежегодно высылалось по 190 рублей.

70-90 гг. были ознаменованы появлением еще нескольких стипендий для учащихся гимназии. Часть

«казеннокоштных» гимназистов содержались на средства, отпускаемые из государственного казначейства. Одна стипендия была учреждена в память 20-летнего царствования Александра II.

Внесли свою лепту в поддержку воспитанников гимназии и нижние чины томского воинского управления, томского губернского батальона, а также барнаульской местной команды. Они вместе с жителями города Томска собрали около 5 000 рублей для учреждения за счет процентов с этого капитала стипендии в гимназическом пансионе.

В память о 20-летнем царствовании Александра II были учреждены еще две стипендии. Проценты с собранного капитала в 1 000 рублей шли на уплату за обучение и на приобретение учебников двум воспитанникам, бедным сиротам или детям «недостаточных» родителей из чиновников.

В марте 1880 г. учителя гимназии собрали 500 рублей для учреждения еще одной стипендии. Были учреждены две стипендии имени бывших директоров гимназии - И.К. Смирнова (в размере 25 рублей на проценты с капитала в 500 рублей, пожертвованного «исключительно лицами учебного ведомства в г. Томске») и Б.И. Сциборского (по 35 рублей в год - на проценты с капитала 700 рублей, пожертвованного гражданами г. Томска).

С 1871 по 1885 г. служил в гимназии опытный врач и хороший человек Ф.Ю. Миткевич, оставивший по себе добрую память. Он пожертвовал гимназии 715 рублей для стипендии одному из «приходящих» учеников.

Однако всех этих стипендий и денег, выделяемых на оплату обучения обществом вспомоществования учащимся, не хватало для всех учеников, нуждающихся в помощи. В общей сложности в 1888 г. от платы за обучение были освобождены 42 ученика, за четырех внесена была плата посторонними людьми. Но при этом 12 учеников за невнесение платы были исключены из гимназии [6. С. 3-5; 7. С. 37; 14. С. 157-158; 16].

Еще в 40-е гг. XIX в. Министерство народного просвещения совершенно отчетливо выразило свое отношение к тому, что среди выходцев из низших слоев населения России растет тяга к получению гимназического образования. Оно негативно реагировало на «чрезмерный прилив молодых людей, рожденных в низших слоях общества, для которых высшее образование, получаемое чрез посредство гимназии в университетах» бесполезно. На взгляд министерства, высшее образование для них является излишней роскошью, оно выводит «детей такого рода из круга первобытного их состояния без выгоды для них самих и для государства» [19].

В начале 60-х гг. до 38 % среди учащихся составляли дети податных сословий. С конца этого десятилетия был взят курс на ограничение доступа в гимназии лиц низших сословий, на усиление надзора за учащимися. По новому уставу, утвержденному 30 июня 1871 г., делается попытка под видом облегчения учебы для учащихся удлинить гимназический курс путем превращения VII класса в двухлетний класс. При этом увеличение учебных программ не предусматривалось. Стремление «облегчить» прохождение гимназического курса отразилось очень заметно на необеспеченных недостаточными средствами слоях населения.

В уставе 1871 г. еще не было открытого сословного ограничения. Оно получило статус закона по циркуляру

1887 г. о так называемых «кухаркиных детях». Директорам гимназий с осени 1887 г. запрещалось принимать детей, не имеющих в своем домашнем быту необходимых для учебных занятий удобств. В циркуляре выражалась надежда на избавление гимназий от поступления в них «детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, которых вовсе не следует выводить из среды, к коей они принадлежат». Ранее трудности обучения детей в гимназии для податных сословий были связаны с ростом размера платы. Не случайно на появившиеся казенные вакансии в пансионе постоянно подавалось по пять и более заявлений на одно место. Из тех, кого не могли принять на пансионное содержание, никто, как правило, не поступал не только в гимназию, но и в уездное училище.

В целом же в первой половине 60-х гг. томская гимназия заметно выделялась не только на фоне гимназий Европейской России, но и среди сибирских гимназий. В ней был значительно больший процент гимназистов из податных сословий. Не случайно руководство учебного округа Западной Сибири стало особое внимание обращать на «родопроисхождение» поступающих в гимназию учеников. С 70-х гг. начало действия ограничительных мер привело к росту числа учащихся из чиновничьей среды и к уменьшению числа гимназистов из городских и сельских сословий. По данным, за середину 80-х гг. это были дети людей, занимавшихся торгово-промышленной деятельностью [20. С. 22-23, 26-27].

Значительный интерес представляет судьба выпускников гимназии. Из шести гимназистов первого выпуска двое поступили на работу в томские присутственные места. Один выдержал экзамен на звание учителя данного училища. А. Загибалов, проявивший усердие в «письмоводстве» еще в гимназические годы, был определен письмоводителем в канцелярию дирекции училищ.

Уже у первых учеников проявилась тяга к получению высшего образования. Ф. Рудаков изъявил желание поехать в Казанский университет. А его соклассник И. Игнатьев, в ком рано пробудился интерес к учительской профессии, считал самым лучшим для себя продолжение учебы в Санкт-Петербургском педагогическом институте. Но не получилось: в то время в институте еще не было казенных стипендий для учеников сибирских гимназий. Они имелись тогда только в Казанском университете, туда и были направлены И. Игнатьев и Ф. Рудаков. Оба стали студентами юридического факультета. Обоим были выданы «прогонные деньги», их снабдили платьем. Стипендия выдавалась каждому в размере около 143 рублей [1. С. 18; 21]. Из следующего выпуска несколько бывших гимназистов тоже были приняты в этот университет. Правда, вскоре двоих из них «за пьянство и леность» исключили.

В редкие годы никто из бывших гимназистов не поступал в высшие учебные заведения, как это случилось в 1846 г., когда выпускники этого года не имели возможности пройти полный курс математики из-за болезни учителя. В 1848 г. окончил курс гимназии «своекоштный» ученик, но на поступление в Казанский университет разрешения не получил из-за принадлежности к мещанскому сословию.

В последующие годы выпускники гимназии при малейшей возможности стремились поступить в университет. С 1849 г. в Казанском университете было учре-

ждено 20 стипендий для сибирских уроженцев, пять из них предназначались для выпускников томской гимназии [1. С. 18; 6. С. 13]. Таким образом, открытие в Томске гимназии сыграло большую роль в получении высшего образования жителями города и губернии.

Гимназия имела существенное значение в подготовке учителей для уездных училищ. «Освежался более или менее грамотным людом» штат губернских присутственных мест. До открытия в Томске гимназии трудно было найти на вакантные места даже очень слабо подготовленных людей. Трудно было найти их на должность землемеров, канцелярских служащих. А на высшие должности приходилось искать и «подолгу ожидать людей из-за Урала», при этом еще с предоставлением разных льгот.

С открытием гимназии значительно облегчилось решение проблемы кадров для гражданских служб. Поступавшими сразу по окончании гимназии на работу предпочтение отдавалось гражданской службе в надежде «на быструю и лучшую здесь для себя карьеру». В учителя уездных училищ шли преимущественно выходцы из податных сословий. Выпускники гимназии разных лет, пройдя курс обучения в университете, становились учителями разных предметов, а также инспекторами в своей alma mater.

Через гимназию прошли будущий обер-секретарь Правительствующего Сената Н.В. Беляев, главный инспектор училищ Восточной Сибири Ф. Рудаков. В разные годы последовательно прошел ступени службы в Министерстве внутренних дел, начальником департамента исполнительной полиции, председателя Томского губернского правления, вице-губернатора в Чите выпускник 1847 г. М.Н. Берестов. Выпускник 1859 г. Е.И. Парамонов в течение 9 лет учительствовал в родной гимназии, впоследствии стал директором Казанского учительского института.

Н.С. Кириллов (из выпуска 1861 г.), Е.В. Петухов (выпуск 1881 г.) стали профессорами Нежинского историко-филологического института. И.И. Степанов первый из врачей получил в Томском университете степень доктора медицины. М.И. Шешуков окончил гимназию в 1878 г., работал ассистентом профессора Санкт-Петербургского университета, автор ряда трудов, один из которых в 1894 г. по решению ученого совета Санкт-Петербургского университета был удостоен премии. По линии Министерства государственных имуществ И.П. Выдрин медал образованием переселенческих пунктов вдоль линии сибирской железной дороги в пределах Томской губернии.

Выпускники гимназии впоследствии трудились в Оренбургском учебном округе, Рыбинской гимназии, в хирургической клинике Томского университета, Томском окружном и губернском, Тобольском губернском судах, в прокуратуре Уфы, Семипалатинска, Екатеринбургского окружного суда, в следственных органах Казанской губернии, в управлении Сибирской железной дороги. Это далеко не полный перечень географических пунктов, куда забросила судьба бывших выпускников Томской мужской гимназии. Пройдя курс обучения в Казанском университете, Н.С. Кириллов, П.В. Андрианов «с ученой целью» побывали в Германии.

Среди первых выпускников Томского университета были прежние гимназисты Л.М. Прасолов, Е.Н. Ко-

ренев, А.Ф. Засс, П.К. Мазаев, М.М. Германов, А.А. Аргунов [22].

Нет необходимости не замечать сегодня многих негативных моментов в истории гимназии. Нет оснований не считаться с той оценкой, которую дали в свое время учителям гимназии ее ученики. В современной литературе большой крен с учетом этих оценок делается именно на негативные оценки уровня знаний учителей гимназии, их морального облика со ссылкой на авторитетное слово Н.М. Ядринцева. Однако объективности ради следует отметить, что и Н.М. Ядринцев добрым словом через много лет вспоминал некоторых учителей гимназии. Он пишет о появлении в 50-х гг. в Томске молодого учителя Ш., из увлекательных уроков которого повеяло духом «нового времени»: «Руссо и Вольтер, Дидро и Даламбер, Кондорсе - все было ново, все это разом вторглось к нам, как и в жизнь России... В первый раз с жадностью и восторгом мы узнали великие имена Виссариона Белинского, Грановского, Пушкина, Лермонтова; их гражданская скорбь, их ранняя гибель получила для нас новый смысл» [23].

Томская гимназия испытывала трудности, которые выпали в то время на долю и других российских гимназий. Будущий император Александр II в 1837 г. (ему тогда было 19 лет), совершая путешествие по России, писал отцу, императору Николаю I из Перми: «Еще я был в гимназии... весьма дурно помещенной по недостатку строений, науки, говорят идут порядочно». Из Воронежа: «гимназия довольно тесно расположена». Из Тулы: «осмотрел еще гимназию, которая немного тесно расположена»; из Екатеринбурга: «гимназия в совершенно ветхом состоянии». В Миасе «гимназия в весьма хорошем и удобном здании». Но - «не в блестящем положении по недостатку хороших учителей, но что хорошо, это охота, с которой детей туда отдают: 2 года назад было всего 35 человек, а теперь 250» [24].

При всех трудностях, которые испытывались гимназией из-за недостаточной материальной базы, необходимой для нормального ее функционирования, некомплектованности учебной библиотеки учебными пособиями, из-за неудобств, связанных с невозможностью проводить общие мероприятия с участием в них всех гимназистов открытие гимназии явилось важным событием в жизни Томска. Его значение не ограничивалось появлением возможности для решения проблемы обеспечения грамотными людьми присутственных мест. Не менее важным следствием открытия гимназии явилось ее влияние на духовную жизнь города, на эстетическое воспитание гимназистов.

На торжественные акты по случаю начала и окончания учебного года в гимназии приглашались не только официальные лица и родители учащихся, но и жители города, непосредственно не имевшие каких-либо связей с ней. На этих актах ученики выступали с приветственными и благодарственными речами, составленными учителями. Важнее было то, пожалуй, что на всеобщее обозрение выставлялись ученические работы по чистописанию, иностранным языкам, рисунки, выполненные ими. К торжественным актам гимназисты готовили чтение стихов, отрывков из литературных произведений.

О качестве рисунков, сделанных учениками, можно судить по тому, что с ними работал учитель чисто-

писания и рисования П.М. Кошаров. В летнее время в 1856 г. он, будучи прикомандированным к горной экспедиции, составил этнографический альбом, получивший высшую оценку Академии художеств. С весны до осени 1857 г. он в составе экспедиции работал в Верном, затем участвовал в исследовании окрестностей Исык-Куля, составил большой альбом для Императорского Географического общества. За эту работу П.М. Кошаров получил вознаграждение в размере 400 рублей. Рисунки, выполненные под его руководством учениками томской гимназии и выставившиеся на выставках Академии художеств, удостоивались почетных отзывов и медалей [4].

Организация учебного процесса и воспитания гимназистов в значительной мере определялась профессиональным уровнем руководства гимназии. В разные годы ее директорами были с уже достаточно большим опытом практической деятельности выпускники Петербургского главного педагогического института, Московской духовной академии, Воронежской духовной семинарии и других учебных заведений России. В числе законоучителей гимназии оказались «известный Томску и по Сибири» священник Ф.В. Краснопевцев (1843-1859) и В.В. Гурьев, «бойко» владевший «устной речью и хорошим пером» (его письма с театра войны 1877-1878 гг., участником которой он был, печатались в одном из центральных органов России). Более 20 лет преподавал в гимназии А.А. Мисюрев, выпускник Курской духовной академии. По 25 лет прослужили в ней учителя А.А. Сергиев и Ф.М. Тоннар, 30 и более лет - воспитанник Бердичевского польского монастыря И.М. Анцин, надзиратель, а затем помощник классных наставников А.П. Антаков.

Восхищает то, что делалось работавшими в гимназии «в делах, мало имеющих общего с прямыми обязанностями... при выполнении различного рода поручений и в делах по собственной инициативе».

Круг подобных дел оказался необычайно интересным. Он включал метеорологические наблюдения, организацию «безмездно» не предусмотренных программой занятий, способствовавших развитию эстетического вкуса учащихся. Одним из учителей гимназии в 1848 г. был открыт частный пансион «для образования девиц», другим учителем французского языка, Р.К. Сирином, в 1876 г. были созданы хор и оркестр «из любителей и любительниц музыки и пения». Выпускник Санкт-Петербургского университета И.М. Курочкин, преподаватель древнего языка в гимназии, организовал в Томске мужское училище с курсом классической прогимназии. Занятия в нем вели преподаватели гимназии. Большое внимание в прогимназии уделялось внеклассному чтению и проведению бесед по произведениям литературы, перепискам с целью развития устной речи учащихся. Учитель гимназии К.Я. Лохер предпринял попытку еще до начала книжной торговли в Томске П.И. Макушина наладить продажу «применительно к возрасту» книг научного и литературного содержания.

Высоко оценила уровень метеорологических наблюдений, начатых в гимназии по инициативе и под руководством ее первого директора И.Г. Новотроицкого, Академия наук. Служивший в 1846-1856 гг. директором гимназии магистр богословия Ф.С. Мещерин по поручению губернатора вел большую работу

по сбору и приведению в порядок статистических сведений о состоянии частной промышленности и торговли в Томской губернии для Русского Императорского географического общества.

Не без участия дирекции гимназии в 1847 г. возникла переписка по поводу необходимости издания в Томске первого печатного органа в виде «Ведомостей». После положительного решения вопроса учителя гимназии Ф.В. Рудаков (выпускник гимназии), А.С. Андреев, позднее Д.Л. Кузнецов откликнулись на предложение дирекции гимназии участвовать в составлении для «Томских губернских ведомостей» статей «литературного и даже ученого содержания».

В 60-е гг. XIX в. преподаватели гимназии явились инициаторами проведения городских литературных вечеров, проходивших до этого в виде домашних встреч любителей литературы лишь в узком кругу

друзей и знакомых. Тогда же среди учителей гимназии возникла мысль и необходимости создания в Томске «Общества грамотности» с учетом опыта уже действовавшего в течение трех лет петербургского «Комитета грамотности». Заботясь о будущей судьбе выпускников гимназии в пользу отправлявшихся на учебу в университет, учителя гимназии ставили благотворительные спектакли [3; 4; 10; 21; 25; 26].

Общеизвестно, что к открытию в 1888 г. университета в Томске здесь возникла благоприятная атмосфера для функционирования и развития его как своеобразного лица культурной жизни города и Сибири вообще. В создании такой атмосферы деятельное участие приняли высокообразованные, в основном приезжие, люди задолго до появления в Сибирских Афинах университета, в том числе директора и учителя томской мужской гимназии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Слободский М.А. Среднее образование в Томске//Город Томск в 1912 г. Томск, 1912.
2. Мисюрев А.А. Томская губернская гимназия в первое пятидесятилетие ее существования (1838-1888). Томск, 1894. С. 4.
3. Томские губернские ведомости (далее - ТГВ). 1894, № 2, 16 января.
4. ТГВ. 1894, № 5, 3 февраля.
5. ТГВ. 1894, № 17, 5 апреля.
6. Исторический ход народного образования в Томской губернии//Памятная книжка Томской губернии на 1885 год. Томск, 1885.
7. Томск в прошлом и настоящем. Томск, 1890.
8. Памятная книжка Томской губернии на 1910 г. Томск, 1910.
9. ТГВ. 1894, № 11, 17 марта.
10. Город Томск в 1912 г. Томск, 1912. С. 18.
11. Голос Томска, 1908, №267, 12 февраля.
12. ТГВ. 1894, № 20, 26 марта.
13. ТГВ. 1885, №40, 11 октября.
14. Памятная книжка Томской губернии на 1871 г.
15. ТГВ. 1894, № 19, 19 мая.
16. ТГВ. 1894, № 8, 27 февраля.
17. Юрцовский Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Вып. I. Ново-Николаевск, 1925.
18. ТГВ. 1894, № 18, 12 мая.
19. Журнал Министерства народного просвещения. 1864, март, отд. II. С. 557.
20. Шамахов Ф.Ф. Школа дореволюционного Томска//Ученые записки ТГПИ. Т. XII. Томск, 1954.
21. ТГВ. 1894, № 4, 27 января.
22. ТГВ. 1894, №20, 26 мая.
23. Ядринцев Н.М. Воспоминания о Томской гимназии (к 50-летию юбилею томской гимназии посвящает ученик ее)//Сибирский сборник. Приложение к «Восточному обозрению». 1888. Вып. I. Иркутск, 1888. С. 20.
24. Венчание с Россией. Переписка Великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 г. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 47-48, 78, 85, 87, 119.
25. ТГВ. 1894, 20 января.
26. ТГВ. 1894, 10 февраля.

Статья представлена в научную редакцию «История» 20 ноября 2002 г.